

Ю. И. Айхенвальд

Достоевский

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/aihenv_dostoev.html.

Уже одно то, что Достоевский, пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души, пережил психологию смертной казни, невероятный ужас ее ожидания, - одно это делает его существом inferнальным, как бы вышедшим из могилы и в саване блуждающим среди людей живых; а в России, на празднестве палачей, это придает ему еще трагическую современность и зажигает вокруг него особенно зловещий ореол. Пусть казнь стала теперь явлением бытовым и частым до пошлости, это все-таки не сделало ее менее страшной. И часто, когда приходит новая весть о ней, невольно вспоминаешь, какой роковой момент составляла она в его внутреннем мире и как неотступно возвращался он к ней в своих произведениях. Он не только в праведные уста князя Мышкина вложил эти волнующие речи о "судорогах", до которых доводят на эшафоте человеческую душу, о безмерном "надругательстве над нею" ("нет, с человеком так нельзя поступать!"), - он, не боясь смешного, заставил и пьяного, плутоватого чиновника Лебедева молиться за упокой души графини Дюбарри (казалось бы, что ему эта Гекуба?) и из всячески далекой для Лебедева французской истории приблизил к его сознанию и совести ту сцену, когда подталкивают Дюбарри к ножу гильотины, а она, "на потеху пуасардок парижских", кричит: *encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!* "Что и означает: "минуточку одну еще повремените, господин бурро, всего одну!" И вот за эту-то минуточку ей, может, Господь и простит, ибо дальше этакое мизера с человеческой душой вообразить невозможно... От этого графинино крика об одной минуточке, я как прочитал, у меня точно сердце захватило щипцами".

И собственное сердце Достоевского было тоже защемлено этими щипцами людской муки, и нельзя будет его вполне понять, если мы забудем, что в самой жизни испытал он смерть и что это - единственный писатель, который творил после того, как он видел мир и слушал свою душу с высоты эшафота.

Под черным знаком Достоевского, в его стиле движется наше время, Достоевского имеет оно своим патроном, или своим живым эпиграфом, потому что безумные содрогания и трепет, какие здесь и там переживает теперь человеческое существо, - они-то и образуют стихию творца "Бесов". Как некий колдун проникновенный, наворожил он России революцию. Она ему к лицу, как он - к лицу революции. Именно ее, немолчную тревогу и смуту, душевный хаос, считает он нашей первичной природой. Человек с воспаленной душой, писатель катастроф, психолог метаний, он не рисует себе людей спокойными и благообразными, однажды навсегда устроенными: нет, глаза его раскрыты на роковую незаконченность, на постоянное беспокойство и волнение тоскующего и крамольного духа. Человек для него вовеки неготов и неопределим; как и для Тютчева, мир для него не мирен: правду моря и сердца можно узнать только в бурю. Смута кажется ему обычным состоянием души; болезнь - это норма. Нельзя говорить, что герои его романов - натуры исключительные, патологические: сам он их такими не признает, сам он думает, что именно в этой исключительности - правило, что в этой недужной обостренности и возбужденности духа и состоит жизнь каждого нормального сердца, если только оно бьется не для того, чтобы механически отсчитывать пульс существования, не для того, чтобы служить мерным маятником бесчисленных дней и ночей. Достоевскому ненавистен буржуа, который готов, у которого "запасено готовых мыслей, как дров на зиму"; ему ненавистен и прототип Кармазинова - за то, что он слишком изящен и складен, похож на новеллу своих сочинений и внешне разрешает трудные проблемы жизни - например, от скорбей и от болей России уезжает из России. Автор "Преступления и наказания" сам ни от чего не уедет и мимо жизни не пройдет. Все коснется, болезненно коснется его души, и ничто не достанется ему легко и непринужденно. Он не знает грации, и жизнь для него - тяжелая ноша. Он относится к ней слишком серьезно, он трудно живет. На нем, наследнике греха, больше, чем на всех других, почил исконное проклятие человечества: Достоевский не только в поте лица своего добывает себе хлеб - он зарабатывает себе и душу. И она ему дается очень дорого. Поэтому в других он не переносит легкости. В нигилизме, например, его, величайшего отрицателя, возмущает не самое отрицание, а то, что оно лишено трагедии. Против страданного, против религиозного безбожия он не восстает, он даже поклоняется ему и воплощает его в героическую фигуру Кириллова; но нигилизм, который с легким сердцем, походя, разрушает и опустошает, который делает жизнь плавной и плоской, без препятствий и без глубины, - такое мировоззрение вызывает у него только злобу и насмешку. Сам